

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОНЛАЙН-ДИСКУССИИ: ОПЫТ И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Д.В. Кацы

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья содержит основные сведения и выводы, характеризующие эффективность дистанционного обмена мнениями между российскими и зарубежными специалистами, изучающими и преподающими дисциплину «Международные отношения». Рассматриваются пять случаев из практики, имевших как свои особенности, так и ряд схожих моментов, позволяя сравнивать и обобщать материал.

Ключевые слова: международные отношения, онлайн-дискуссии, дистанционное обучение, международная коммуникация.

INTERNATIONAL DISCUSSIONS ON-LINE: EXPERIENCE AND SOME CONCLUSIONS

D.V. Katsy

Saint Petersburg State University

The article deals with the main facts and findings that characterize efficiency of on-line discussions between groups of Russian and foreign International Relations scholars. The content of the article outlines five cases learned from these experiences by comparing similarities and specific features of each case.

Keywords: International Relations, on-line discussions, distance learning, international communication.

Распространение научного знания и технологий традиционно влияло на развитие международных отношений, порождая возможности для появления нового знания и, как очередное следствие, мировой спрос на более совершенные технологии. Не принимать во внимание эту закономерность сегодня невыгодно – развитие коммуникационных и других технологий происходит стремительно, вытесняя отстраивающихся на периферию профессиональной активности. Не менее традиционным явлением остается и разрыв между теми, кто разрабатывает технологии, и теми, кто их внедряет и непосредственно использует. Насколько существенным оказывается сегодня этот разрыв при организации повседневной учебной работы в российских университетах – важный вопрос.

Статья ставит целью представить критическим взглядам коллег главные сведения и выводы, характеризующие эффективность дистанционного обмена мнениями между российскими и зарубежными специалистами, изучающими и преподающими дисциплину «Международные отношения».

С этой целью вряд ли уместно ограничиться анализом содержания доступной на сегодня литературы. Возможно, есть смысл рассмотреть и ряд случаев из практики, каждый из которых

имел не только свою специфику, но и ряд схожих моментов, позволяя сравнивать и обобщать материал по мере его накопления. Существенно, что за несколько последних лет многие (в том числе зарубежные) участники описываемых далее событий смогли обсудить их значимость и эффективность не только дистанционно, но и встречаясь лично. Учитывая, что сугубо «виртуальное» общение имеет свои особенности и ограничения, данный момент очень помог складыванию представлений о сюжете в целом.

Краткий анализ результатов предыдущей практики ограничивается далее пятью наиболее показательными случаями. Российскую аудиторию в них представляли студенты факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), а зарубежные стороны – студенческие аудитории четырех университетов США и одного в Нидерландах. Обсуждение международной тематики велось на английском языке.

В первом случае идея провести «студенческую» видеоконференцию с российскими участниками появилась в рамках деятельности Ассоциации международных исследований (ISA) зимой 2003 г. К концу апреля идею удалось реализовать. Главной сложностью оказалась даже не одиннадцатичасовая разница во

времени, а детальная координация совместных усилий, чаще не ладящаяся (как ни досадно) с российской стороны. При всем наличии доброй воли о себе давали знать не только проблемы инфраструктуры или отдельные технические аспекты. Сказывался недостаток уместных организационных представлений и навыков коммуникации в неожиданно широком диапазоне. Так, например, выяснилось, что технические специалисты разных структурных подразделений пользовались настолько разрозненной терминологией, что порой искренне не понимали друг друга на русском, не говоря уже об английском языке. Переписка по электронной почте в таких случаях часто лишь умножала нестыковки, и приходилось активно пользоваться телефоном, в буквальном смысле разъясняя одним людям, какого рода информация необходима от них другим и что именно они просят сделать друг для друга. Несмотря на подобные детали и незапланированные траты времени и не только, видеоконференция состоялась вовремя. В течение двух часов студенты из Москвы (МГИМО) и Санкт-Петербурга (СПбГУ) обменивались мнениями со сверстниками из Государственного университета Сан-Хосе, Калифорния [1]. Предметом обсуждения стала начавшаяся война в Ираке – событие, прямо затрагивающее национальные интересы и России, и США. Очевидно, что в таких случаях диалог не может оставаться политически нейтральным, и наличие возможностей обсудить создавшееся положение студенты и в России, и в США воспринимали очень серьезно. Опуская содержание самой дискуссии, стоит отметить следующее.

Сама по себе видеоконференция (как формат, имеющий свои достоинства и недостатки) вряд ли имела бы шансы стать информативным в профессиональном смысле событием без предварительных приготовлений. Дело не только в том, что в международных дискуссиях когнитивный диссонанс между аудиториями несравнимо выше, чем во внутригосударственных политических дебатах. Существеннее, что доводить логику своих соображений к сведению аудитории в другой стране можно при наличии общей основы и постепенно. Понимая это, организаторы с обеих сторон заранее обсудили перечень вопросов аудиторий друг другу с каждой стороны и дали студентам время и возможности для подготовки

кратких письменных мнений и обмена ими. Для этого на сайте университета Сан-Хосе создали отдельную директорию. Чтобы помочь участникам выстраивать свою систему аргументации, их снабдили (но не ограничили) общим материалом для чтения, например аргументами и доводами бывшего президента США Дж. Картера [2], обоснованность которых, кстати, подтвердилась со временем, а с уходом администрации Дж. Буша стала во многом и очевидной.

Несомненно, что проведенный до начала видеоконференции обмен письменными соображениями помог студентам более полно оформить свои взгляды. Но надо отметить, что письменная активность российской и американской аудиторий была асимметричной. В отличие от американских, российские студенты в целом предпочли знакомиться с поступавшими доводами и не торопиться делиться собственными. Вполне естественно, что такой (не характерный для американской культуры) подход воспринимался неоднозначно и, как проявилось впоследствии, даже порождал среди американских студентов ложные домыслы о неискренности намерений российской стороны. Фактически же причины «замедленной» реакции были иными. Проведенный позже опрос показал, что кратко сформулировать на английском языке аргументированную и понятную другой аудитории точку зрения для многих российских студентов оказалось существенно сложнее, чем они ожидали. Осознание факта, что для этого требуется принципиально новое умение, которым не все обладали, кого-то искренне огорчило, а кого-то и натолкнуло на мысль о необходимости уделять больше времени практике ведения дискуссий на иностранном языке на сложные и противоречивые темы.

Другим показательным случаем стала проводившаяся осенью того же года и в том же университете Сан-Хосе масштабная конференция, на которой обсуждались перспективы развития событий в мире после террористического акта 11 сентября 2001 г. В программу мероприятия входило и несколько «онлайн-включений» из других университетов мира, в том числе и из СПбГУ [3]. В данном случае американскую сторону интересовали вопросы, не утратившие своей актуальности и по сей день. Среди них – российский взгляд на проблему международного

терроризма, степень ядерной угрозы со стороны Северной Кореи, оценка эффективности действий администрации Дж. Буша, деятельность США в Организации Объединенных Наций, влияние средств массовой информации в России и США, а также реальные возможности для расширения сотрудничества между упомянутыми странами. Существенным фактором для российской стороны оказалось то, что видеоконференция проходила на второй неделе учебного года и времени заранее организовать обмен мнениями между студенческими аудиториями оказалось недостаточно. В итоге подтвердилось предположение о том, что без предварительного письменного обсуждения тематики студенческие аудитории вряд ли смогут понять друг друга вовремя. Так, с американской стороны студенты отметили, что им было слишком трудно понять их российских сверстников как из-за качества связи, так и из-за «сильного русского акцента». В свою очередь, российские студенты, отвечая на вопрос: «Удалось ли вам понять ваших американских коллег?», практически единодушно давали отрицательный ответ. Несмотря на имевшее место непонимание, студенты обеих сторон дружно отмечали, что обрели полезный опыт и охотно допускали, что в подобных дискуссиях им нужно и следует больше практиковаться.

В третьем случае онлайн-дискуссия с российской аудиторией была предложена магистрантам Государственного университета Миссури весной 2004 г. Смысл мероприятия состоял в том, чтобы подготовленные студентами США краткие тематические эссе стали доступны вниманию и критике их российских коллег. Итоги деятельности американских магистрантов оценивались преподавателем. Студенты, получившие наибольшее количество конструктивных отзывов на свои эссе, поощрялись более высокими баллами. С российской стороны деятельность студентов носила исключительно добровольный характер. Формальных оценок им не обещали, но возможностью попрактиковаться быстро заинтересовалось более десятка человек. После регистрации списка электронных адресов (заявившей всего несколько часов), все участники получили доступ к директории сайта с материалами для чтения и возможностями вести онлайн-переписку. Продолжительность дискуссии ограничивалась во времени, о чем участников предупредили за-

ранее. Надо отметить, что особых усилий для координации действий с российской стороны в данном случае не понадобилось — студенты в России получали информацию по электронной почте и самостоятельно определяли как выбор оппонентов, так и степень своей вовлеченности в дискуссию. В итоге мероприятия все американские студенты получили от двух до шести отзывов на свои эссе, послуживших дополнительным критерием оценки качества их работы в учебном семестре. Проведенный позже опрос российских участников показал, что все опрошенные, несмотря на их неравномерную активность, сочли дискуссию полезным упражнением, помогавшим им развивать и улучшить свою профессиональную подготовку.

Четвёртый случай представлял собой сложную комбинацию, состоящую из двух независимых частей. Осенью 2007 г. студентам СПбГУ дали возможность одновременно связаться с двумя группами их коллег из США, штат Техас: в одном случае из университета Сан-Антонио, в другом — из университета Сан-Эдвардс. По договоренности организаторов планировалось, что в первом случае студенты установят между собой прямую переписку, а во втором случае для них будет создан блог, где они смогут размещать свои ответы и комментарии к обсуждаемым вопросам. Активность российских студентов в этот раз поощрялась дополнительными баллами, но стоит участвовать или нет люди решали самостоятельно. Характерно, что от предложения провести дистанционную дискуссию мало кто предпочел уклониться. Другое дело, что по ходу дискуссии из неё выбыла часть участников, причем не в силу технических или организационных сложностей, а благодаря собственным предпочтениям, уровню знания предмета и/или способностям пользоваться иностранным языком.

Существенно, что к моменту начала совместного обсуждения аудитория российских участников количественно превышала американскую более чем вдвое. По этой причине организаторы разбили участников из Санкт-Петербурга на группы, списки адресов которых поступили в распоряжение студентов из Сан-Антонио, после чего каждый из них мог связаться сразу с несколькими российскими коллегами, стараясь установить диалог. В свою очередь, российские

участники получили возможность выбирать себе «собеседников» свободно и независимо. В данном случае преподаватели обеих сторон брались помочь их студентам установить между собой прямое общение, не указывая им, какие именно вопросы должны обсуждаться. Вместо этого для обеих сторон сделали доступным содержание программ конкретного учебного курса, в рамках которого в тот момент обучались их «оппоненты». Таким образом, студенты в Санкт-Петербурге и Сан-Антонио получили возможность составить представление о интересах сторон, особенностях изучения предмета и взаимно опросить друг друга по интересующим их сюжетам, не обязываясь, разумеется, предоставлять свою личную переписку преподавателям. По итогам данной части дискуссии студенты в Санкт-Петербурге готовили отчет, анализирующий результативность их информационного обмена, а студенты в Сан-Антонио смогли учесть материалы интервью с российскими участниками при написании своих работ по дисциплине.

Вторая часть дискуссии для российской стороны была более формально организована в блоге на сайте университета Сан-Эдвардс. Студенты были детально проинструктированы, как пользоваться системой дистанционного обучения Blackboard, и отвечали на вопросы, заранее оговоренные организаторами. Каждый студент имел возможность отвечать на один вопрос еженедельно. Если кто-либо из участников не отвечал в срок, вопрос (с его стороны) оставался без ответа. Такой способ дистанционного общения тоже подтвердил свою жизнеспособность. Хотя количество участников дискуссии с российской и американской стороны сильно разнилось, студенты несомненно преуспели в совместном признании факта, что их различия во взглядах обуславливались не только отличиями их национальных культур, но часто и личными особенностями, различиями в мировоззрении, уровне информированности и знаний. В целом студенты быстро выяснили, что в личной переписке они могут знакомиться с ограниченным количеством мнений, в то время как блог давал им возможность формировать более полное представление о сути той или иной обсуждаемой проблемы.

Кроме возможностей практиковаться в умении еженедельно отвечать на иностранном

языке на тот или иной вопрос и комментировать ответы сверстников, блог оказался более удобной формой для проведения опросов и, соответственно, анализа представлений студентов о том, что именно они усвоили по итогам обеих дискуссий. Так, к маю 2008 г. российские студенты представили 42 отчета о своем понимании результативности их дистанционных дискуссий. Форма отчета представляла собой детализированный опрос по 24 пунктам с возможностью комментировать их содержание. Из отчетов выяснилось, что около 30 из них выполнены продуманно, со знанием дела и часто с подробностями. Ещё 12 студентов указали, что они предпочли блогу индивидуальную переписку. Оставшиеся 17 человек курса не нашли, о чём отчитаться, поскольку либо не участвовали в упомянутой дискуссии, либо выбыли из неё по тем или иным причинам. Таким образом, всем удалось убедиться, что результаты дистанционного обсуждения вполне осязаемы и могут использоваться для более объективной оценки уровня профессиональной подготовки. Стоит, вероятно, упомянуть, что в данном случае не все остались искренне довольны конкретными результатами собственных усилий или мнениями своих коллег. Но характерно и другое – абсолютное большинство и американских, и российских (включая решивших не участвовать) студентов признали дискуссию делом полезным и нужным, а некоторые из них продолжили поддерживать переписку со своими зарубежными сверстниками и после формального окончания мероприятия.

В пятом случае обсуждение международной проблематики студенты СПбГУ вели со своими оппонентами из Лейденского университета, Нидерланды. В этот раз дискуссия организовывалась и координировалась из Санкт-Петербурга и Лейдена двумя выпускниками СПбГУ, один из которых находился в Нидерландах на стажировке. Преподаватели учебных курсов, в рамках которых велось мероприятие, прямых контактов между собой не поддерживали, но соглашались, в основном, на роль наблюдателей и лишь при необходимости консультировали организаторов. В целом планировалось начать с письменного обсуждения двух сложных (по одному с каждой стороны) вопросов в сети, а затем продолжить дискуссию непосредственно

на встрече в Санкт-Петербурге, куда голландская группа собиралась нанести визит. Времени на организацию и проведение дистанционной дискуссии было вполне достаточно – с начала января по начало мая. Усилия студентов российской части аудитории стимулировались дополнительными баллами, но участие в данной дискуссии не являлось обязательным.

Выбор вопросов для обсуждения сыграл в данном случае значительную роль. Предложенный с голландской стороны вопрос связывал будущее отношений России и Европы с проблемой определения ценностей и интересов сторон. С российской стороны, в свою очередь, предложили поделиться представлениями о возможных сценариях развития современной Европы без участия России. Оценить потенциальную противоречивость этих вопросов организаторы сами, предположительно, не догадались, а ведущие курсы преподаватели решили не вмешиваться. Ощущение несовпадения начальных ориентиров дискуссии усилилось после того, как предложение российской стороны зарегистрировать голландских участников на сайте СПбГУ осталось без ответа, а процедура регистрации российских участников на сайте Лейденского университета существенно затянулась. Причинами послужили не технические, а, скорее, снова коммуникационные нестыковки, отнявшие у организаторов несколько недель на координацию усилий сторон «изнутри» – рассылку объявлений, сопутствующую переписку, составление пошаговой инструкции по регистрации и уточнение количества участников.

Данный случай – пример тому, как политические предпочтения сторон могут влиять на эффективность дистанционной и непосредственной коммуникации. Активность участников при обмене взглядами оказалась довольно высокой и объёмной (110 постов за два месяца), однако студенты обеих сторон соглашались друг с другом в редких случаях. Начальный тон дискуссии задал ответ из Лейдена на первый же размещённый российским участником пост. Ответ начинался словами: «Спасибо за смелость начать дискуссию, но, пожалуйста, не говорите мне, что...». Далее, по сути, последовало массовое и решительное апеллирование участников к официальным (различно регламентированным по определению) заявлениям руководства своих

стран, сообщениям прессы и лишь изредка – к материалам научных публикаций. Начальная фаза дискуссии, таким образом, подтвердила давно известное – в официальных отношениях между государствами коммуникация чаще неэффективна, чем наоборот. Эффективной её делают не столько попытки уложить получаемую информацию в рамки существующих теорий и образов, сколько гибкость и контроль над процессами восприятия и обсуждения ответов [4. С. 358]. Именно это хрестоматийное утверждение студенты обеих сторон дружно игнорировали, лишний раз получив (со временем) возможность убедиться, что теория без практики мертва. Когда проявилось, что продолжать изумляться неспособности своих зарубежных сверстников понимать «простые и очевидные» вещи не лучший (и не единственный) способ установить диалог, сравнительно небольшая часть студентов смогла определить области для конструктивного обсуждения в буквальном смысле экспериментально. Стоит отметить, что неизбежная фаза «обмена непониманием» несомненно сыграла в данном случае и свою положительную роль. При непосредственной встрече в учебной аудитории общий тон дискуссии (на этот раз устной) переменялся на заметно менее острый. Несколько сместился её фокус, изменились акценты, наметилась тенденция перехода от монологов к диалогам, обозначились новые лидеры, высказались менее активные или не активные ранее участники с российской стороны. Важно, что к моменту встречи они смогли подойти лучше подготовленными, более чётко обосновать и структурировать свои представления, полнее освоить лексику и профессиональную терминологию на иностранном языке. Стоит упомянуть, что по окончании формальной части мероприятия (и несколько неожиданно для части российской аудитории) с голландской стороны прозвучали и сожаления об отдельных ранее высказанных представлениях, объяснявшихся как возрастом их авторов, так и уровнем их знаний российской истории и реалий. В целом несомненно, что практика дистанционного общения заметно снизила интенсивность резких или просто необдуманных формулировок, помогла ряду студентов прочнее усвоить полученные ранее знания, развивать способности к самостоятельному мышлению и точнее высказываться публично.

Разумеется, ни одна из упомянутых дискуссий не переменяла взглядов их участников радикально. Такая цель в данных мероприятиях не ставилась, тем более, что для дисциплины «Международные отношения» она вряд ли достижима в принципе, ибо идеальна. Вместе с тем развитие возможностей для дистанционного общения уже очень значительно изменило саму дисциплину, заметно изменив интенсивность и качество её изучения и преподавания, а следовательно, меняя и представления об идеалах. Нравится нам это или нет, но использование блогов, социальных сетей общения, электронных библиотек и современных средств массовой информации существенно изменило способы и условия, в которых проводятся исследования на международную тематику, публикуются, учитываются и цитируются их признаваемые или опровергаемые результаты. Разумеется, это ещё не означает, что многоуровневое, стремительно расширяющееся в объёме и одовременно качественно фрагментирующееся информационное пространство непременно должно или уже способно вытеснить традиционные методы аудиторной работы, но в том, что первое существенно дополняет второе, сомневаться не приходится. Обмен опытом на эту тему в профессиональных журналах активно продолжается, хотя единства взглядов о том, как именно многообразный «медиа-ландшафт» меняет способы преподавания, исследовательской работы и непосредственного осуществления международных отношений пока не наблюдается [5. С. 269].

Несомненно и другое – преподавать предмет студентам следует, исходя из необходимости повышать их конкурентоспособность, что вряд ли уместно пытаться делать в отрыве от международного информационного контекста, без попыток его изучать, осмысливать, учитывать и, в меру своих возможностей и умения, изменять. Для этого, говоря словами Мартина Хайдеггера, мы можем торжественно согласиться с неизбежностью использования технических средств и

одновременно отказать им в праве властвовать над нами и таким образом искажать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность [6. С. 45–46].

С такой точки зрения сегодняшняя «онлайн-реальность» при всей её многомерной сложности – не более чем инструмент для развития способностей мыслить самостоятельно и небезосновательно. Выбор формы его применения может быть различным – видеоконференция, интервью, блог, совместное редактирование, например Википедии, создание собственного «вики-ресурса» в конкретной системе сетевого и дистанционного обучения, тематическое обсуждение в чате курса, тесты для самопроверки, написание рецензий на авторский текст и другие формы. При совместимости интересов сторон и эффективной координации их совместных усилий в предварительных приготовлениях онлайн-дискуссии между аудиториями в разных странах расширяют горизонты познания, дают возможности развивать навыки написания текстов на иностранном языке, позволяют участникам точнее оценивать свой профессиональный уровень, коммуникативные способности, культурный багаж и продуктивнее изучать свой предмет в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bartindale B.* A Picture of Understanding // San Jose Mercury News (CA). – 2003. April 25.
2. *Carter J.* Just War — or a Just War? // New York Times. – Sunday, 2003. – March 9.
3. *Jennifer McLain.* Forum unites SJSU, Russian students // Spartan Daily, 2003. – September 12.
4. *Бертон Дж.В.* Конфликт и коммуникации. Использование контролируемой коммуникации в международных отношениях / Дж.В. Бертон // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и комм. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002.
5. *Carpenter C., Drezner D.W.* International Relations 2.0: The Implications of New Media for an Old Profession // International Studies Perspectives. – 2010. – Vol. 11, Number 3. – August.
6. *Heidegger M.* «Memorial Address» in Discourse on Thinking, trans. John M. Anderson and E. Hans Freund. – New York: Harper and Row, 1966.